

Мария АРБАТОВА

ПРОБНОЕ ИНТЕРВЬЮ НА ТЕМУ СВОБОДЫ

(СЦЕНЫ ИЗ ПЬЕСЫ)

наше подгрызли. Ваши левые и правые могут каждый день меняться ролями. Никто это не заметит. Да и они сами тоже.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Интересный поворот.

МАРГАРИТА. Я вас презираю, и за это у меня комплекс вины перед вами, потому что, родись я в ваше время, я была бы такой же!

Пауза.

ДУБРОВСКИЙ. Ну, ты все? Постыбалась? У тебя музыка кончилась?

МАРГАРИТА. Ага.

ДУБРОВСКИЙ. Чего звала?

МАРГАРИТА. Так.

ДУБРОВСКИЙ. Так официанта зовут.

МАРГАРИТА. А чего пришел, если так официанта зовут?

ДУБРОВСКИЙ. А я всегда прихожу, когда зовут, тем, кто нарывается, надо помочь нарваться!

МАРГАРИТА. Ты че тут, самый крутой, что ли?

ДУБРОВСКИЙ. Ну, самый. Ну, дальше.

МАРГАРИТА. Я тебе крутому, себя предлагаю, а ты только дышал громко.

ДУБРОВСКИЙ. Ты, детка, когда себя предлагаешь, пылишь много! А ты по-русски, что, не выговариваешь? Русский со словарем?

МАРГАРИТА. А ты тут самый русский весь? Да?

ДУБРОВСКИЙ. Там моя машина стоит. Белая. Пошли. Я могу вперед пойти, подождать. Белая машина. Вольво. Я фары врублю, вдруг там не одна вольво белая. Поговорим. В хороший кабак съездим. А?

МАРГАРИТА (кладет ему руку на плечо). Слушай, ты такой клевый, такой шикарный! А я просто папашу мочу, понял? Это мой папаша. Дай телефончик, я тебе позвоню.

ДУБРОВСКИЙ. Смотри, детка, быстро едешь, дорожных знаков не видишь. Скажи спасибо, что я, капитализм с человеческим лицом.

МАРГАРИТА. А я с другим лицом не зову. Поцелуй меня (встает, они целуются).

ДУБРОВСКИЙ. Вкусная. Вот визитка. Бай. (уходит).

Пауза.

МАРГАРИТА. Так как насчет искренности. Вадим Петрович?

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Это что, молодежный стиль такой теперь, в барах целоваться с первым попавшимся на глаза?

МАРГАРИТА. Почему молодежный? Какая я молодежь? Просто стиль. А вы всех женщин в жизни годами обхаживали? Вы меня тоже третий раз видите, что ж вы тут викторианство изображаете? Мы то же самое делаем, что и вы, только время меньше. Жизнь такая насыщенная, на ранье времена жалко.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ (раздраженно). Почему вы в темных очках?

МАРГАРИТА. Хочу.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Снимите очки.

МАРГАРИТА. Зачем?

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Деньги для вашей газеты переведены. Вы свободны.

МАРГАРИТА. От чего?

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Вам ведь нужны были деньги!

МАРГАРИТА. Нет. Я никогда не работала в этой газете. Я всегда была на вольных хлебах. Это просто так к слову было про газету. Просто им тяжело.

Пауза.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Снимите очки!

МАРГАРИТА. Я не успела накраситься.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Вы наркоманка! У вас зрачки расширены, поэтому вы в очках!

МАРГАРИТА (снимает очки). Ну, и фантазия.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Вы что?

МАРГАРИТА. Что?

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. У вас слезы?

МАРГАРИТА. Подумаешь.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ (подвигает к ней стул, гладит ее по голове). Ну, все, все... Все будет хорошо. Я знаю кафе с самым вкусным мороженым в городе. Я туда по выходным хожу с внуком. Хотите, туда поедем? Ну, что у вас случилось?

МАРГАРИТА. У меня умер отец.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ (замирает). Простите... Когда?

Пауза.

МАРГАРИТА. Когда я училась в школе.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ (раздраженно отодвигается). И поэтому у вас сейчас слезы?

МАРГАРИТА. И столько, сколько я живу, потом, без него. Я примерно к себе всех немолодых мужчин. Какими бы они были мне отцами. Конечно, все они тащили меня в постель, и там все было омерзительно, потому, что никто из них не видел во мне ничего, кроме легкой добычи. Меня всегда истерически любили молодые. Они были снохободными, умнее и мужественнее старых козлов, но... Мне казалось, что пожилые знают какую-то тайну, связанную с моим отцом, раскрыв которую я обрету... Я не знаю, как это сказать, наверное, свободу, но это точно. А они не знали. Они даже не пытались скрыть, что не знают.

ВАДИМ ПЕТРОВИЧ. Я тоже не знаю.

МАРГАРИТА. Ну, и на фиг вы мне сдались в таком случае? (надевает ему на нос темные очки, резко встает и уходит).

Квартира целительницы. Обшарпанный диван и кресла, масса оздоровительных плакатов, портреты Джунги и Чукама в рамках.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА (пожилая дама в темных очках). Заходите, раздевайтесь. Вам известна цена сеанса?

МАРГАРИТА (тоже в темных очках). Да.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Что у вас болит?

мое лечение?

МАРГАРИТА. Не верю. Я ни во что, кроме себя, не верю. Я не знала, что я к тебе попаду. Я не знала, где ты принимаешь. Я думала, что мне за деньги вернут то, что у меня отняли в детстве.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Зачем ты клеветешь на мать?

МАРГАРИТА. Какой смешной сон! А шерсти все равно не хватает.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. А я сразу сказала, что не хватит! Не умеешь вязать, не берись! Что ты там за фалды устроила? Распусти, я свяжу лучше.

МАРГАРИТА. Это первое платье в жизни, которое я вяжу так, как мне хочется. И я подарю его себе на день рождения. И не надо учить меня, как вязать. Тебе семьдесят лет, и ты еще ни одного платья сама не связала.

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Ну и что? Зато я жизнь прожила, я знаю, как правильно!

МАРГАРИТА. А я не желаю жить такую жизнь, как у тебя! Не желаю (вскакивает, идет к дверям).

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Подожди! Я тебя потормолю. Ты бледная, ты страшная, ты неправильно питаешься, неправильно живешь!

МАРГАРИТА. Я самая красивая, свободная и правильная! И не смей мне больше говорить, что я бледная и страшная! Не смей!

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Денег возьми. У меня много.

МАРГАРИТА. Все равно не откупилась (выходит).

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА. Вы слышали? Нет, вы слышали? Я положила на нее всю свою молодость, все свое здоровье! Накажет же бог такой дочерью! Господи, как я не хотела девочку, словно знала, что вырастет такая дрянь! Как я хотела сына!

Скамейка в парке. Темно. Маргарита и Дубровский стоят, обнявшись.

МАРГАРИТА. Холодно.

ДУБРОВСКИЙ. Моя бабушка говорила: наступил марток, надевай семь порток.

МАРГАРИТА. Нас тут не пришьют?

ДУБРОВСКИЙ. Не должны.

МАРГАРИТА. Жалко.

ДУБРОВСКИЙ. Почему?

МАРГАРИТА. Все-таки ощущения.

ДУБРОВСКИЙ. Ощущений не будет (достаёт из кармана пистолет, подбрасывает его, ловит, сует обратно в карман).

МАРГАРИТА. Стрелять-то умеешь?

ДУБРОВСКИЙ. Ну, давай! Поехали! Готовность номер один! (снимает пальто, бросает на скамейку, начинает расстегивать кофту).

МАРГАРИТА. Увы! (снимает кофту, бросает на скамейку).

ДУБРОВСКИЙ. Пойдем в машину.

МАРГАРИТА. Там места мало, а у меня сексуальная клаустрофобия.

ДУБРОВСКИЙ. Понял.

МАРГАРИТА. Чего ты понял?

ДУБРОВСКИЙ. Мы все учились понемногу.

МАРГАРИТА. Что? Елки! Опять филфак? (надевает кофту, затем пальто). Плонушь некуда! Бизнесмен, рэкетир, сутенер! Обязательно нарваться на университет! А мне простого надо, чтоб вопросов не задавал!

ДУБРОВСКИЙ. Историко-архивный, правда, он теперь тоже считается университетом.

МАРГАРИТА. Не хочу образованного! Вези меня домой.

Дубровский подходит вплотную, они целуются. Маргарита осторожно вынимает у него из кармана плаща пистолет, прыгает за спину.

МАРГАРИТА. Отойти чуть-чуть, я хочу тебя рассмотреть. У меня дальновидность.

ДУБРОВСКИЙ. Успокойся, пистолет газовый.

МАРГАРИТА (прижимает пистолет к лицу). Жалко. Такая глупенькая, такая холодная железзячка. Нал (протягивает ему пистолет).

ДУБРОВСКИЙ (кладет пистолет в карман). Если хочешь, пойдем в машину.

МАРГАРИТА. Ты меня сюда зачем вез?

ДУБРОВСКИЙ. Я тебя не разглядел.

МАРГАРИТА. А здесь разглядел?

ДУБРОВСКИЙ. Здесь разглядел. Я думал, ты на меня запала, а ты со мной с тоски трахаться поехала. С тоски-то пить надо.

МАРГАРИТА. Также мне, капитализм с человеческим лицом!

ДУБРОВСКИЙ. Скажи, а почему тебя из этой страны еще не вывели?

МАРГАРИТА. Куда?

ДУБРОВСКИЙ. Ну туда... Поближе к цивилизации.

МАРГАРИТА. А я не просила.

ДУБРОВСКИЙ. А потому, что патриотка?

МАРГАРИТА. Думаешь, я там стану счастливей?

ДУБРОВСКИЙ. Тяжело же здесь тебе.

МАРГАРИТА. Нормально. Знаешь, вот есть один тип, с ним тяжело, глупо, стыдно, иногда больно. А без него спокойно, приятно... но, бессмысленно. Как будто я жила во дворцах, конюшнях, в гостях, в тюрьме, и вдруг я дома. Понимаешь, ни с того, ни с сего, и дома. Я вообще не знала, что бывает дом. В меня

такой программы не заложили, я думала, вся жизнь, одна длинная гостиница. Так и здесь. Зачем мне Запад, если я живу на русском языке.

ДУБРОВСКИЙ. Ну, так если это тиг есть, что же ты тогда тут со мной делаешь?

МАРГАРИТА. Борюсь с тем, что его уже вывели.

ДУБРОВСКИЙ. Поезжай, отними. Ты же манипуляторша высшего класса.

МАРГАРИТА. Не могу.

ДУБРОВСКИЙ. Почему?

МАРГАРИТА. Эмиграция, это рак. Человек или выздоравливает, или метастазы его съедают. Того, что было, съедают. Какой-то другой остается, а этого съедают.

ДУБРОВСКИЙ (делает ее). Вкусная. (Пауза). У меня тоже вывели. Был неконкурентоспособен... Ступень аспирант, у которого рубль в кармане и диссер по возрождению. А тут покинул американский фермер: шестьдесят слов в словаре и куча долларов. Ну, девочка и сломалась.

МАРГАРИТА. Жалеешь?

ДУБРОВСКИЙ. Теперь нет! Дыря осталась. Сквозная (достаёт пистолет из кармана, стреляет). Вон, видишь, в афише дырка теперь? Ночью от темноты темная, а днем от света светлая. Так я у меня.

МАРГАРИТА. Менты не прибегут?

ДУБРОВСКИЙ. Они выстрелы слышат, они ноги в обратную сторону делают.

МАРГАРИТА. Ладно, поехали.

ДУБРОВСКИЙ. Тебя кто-нибудь ждет?

МАРГАРИТА. Дети.

ДУБРОВСКИЙ. У тебя дети?

МАРГАРИТА. Ага.

ДУБРОВСКИЙ. Тебе хорошо.

МАРГАРИТА. Ага.

Квартира Маргариты. Тимур в трусах и футболке оклеивает комнату листами рукописей. На столе растелена клеенка, стоит кастрюля с клеем. Тимур макает кисточку для бритья в кастрюлю, мажет лист, лепит его на стену, разглаживает, отходит, лобуется на свою работу. Орет магнитофон.

ТИМУР (поет). Я думал, что я не смогу вернуться, А я не смог не вернуться... Та та та, та та та, Та та та, та та та, Входит Олег.

ОЛЕГ (мрачно). Где Маргарита?

ТИМУР. Скоро придет, надеюсь.

Пауза.

ОЛЕГ. А вы... вы что, здесь живете?

ТИМУР. Нет.

Пауза.

Лучший вид на этот город, если сесть в бомбардировщик!

ОЛЕГ. Что это вы делаете?

ТИМУР. Переклеиваю обои.

ОЛЕГ. Бумага вместо газет?

ТИМУР. Вместо обоев.

Олег подходит к узе оклеенной стене.

ОЛЕГ. Это же е статьи.

ТИМУР. Она попросила, чтоб ко дню рождения я оклеил статьями всю комнату. В том числе и глобусы. Вместо подарка.

ОЛЕГ. Отличная идея.

ТИМУР (поет). Не плачь, Мама, я здесь, Не плачь, солнце взойдет, Не пряхот от Бога глаза, Иначе, как он найдет нас...

ОЛЕГ. Чем это вы мажете? Это же моя кисточка для бритья.

ТИМУР. Другой не было.

ОЛЕГ. Вы слишком много клея мажете (принесит из коридора одежную щетку). Этой удобней (мажет лист, приклеивает, разглаживает). Видите?

ТИМУР. Визну.

ОЛЕГ. С ваших еще капает, а этот сразу взялся!

ТИМУР. Конечно, вы гораздо дольше выполняли ее капризы.

ОЛЕГ. При мне капризы были скромнее.

Звонит телефон.

ОЛЕГ. Возьмите трубку.

ТИМУР. У меня руки в клее.

Телефон звонит, они стоят. Вбегает Маргарита с ульцы, бросается к телефону.

МАРГАРИТА. Оглохли оба, да? (снимает трубку). Алло. Привет, Галка. Представляешь, вхожу, а здесь бывший муж и бывший любовник перерезали друг другу глотки. Лежат на полу и истекают кровью. И ни один не может взять трубку! Что? Да, серьезная! Скоро вывала, вот жду, когда заберут. Давай по делу, что там у тебя с христианской службой доверия? Ну! Ну! Класс! На кого похож? На папу Римского? Фу, какая гадость! Так, и куда пошли? В Макдональдс? Туда же один урни ходят и те, кто хочет им подражать. И что? Стихи читал? Час стихи читал? Ну, мать, ты влипал! Сегодня, что делать? Как то? Уложи его сегодня, а то переждержишь, утром позвони, отчитайся. Если не понравится, будем обращаться в буддийскую службу доверия. Целую (кладет трубку). Что вы на меня так смотрите? Личная жизнь подруги всегда была мне важнее моей собственной (Подходит к стене, трогает). Здорово! А глобусы?

ОЛЕГ. Зачем портить глобусы?

МАРГАРИТА. Это что, твоя доля имущества?

ТИМУР. Крутлый трудно оклеить. Надо выкроить.

МАРГАРИТА. Выкройку? Выкройку Земли и Луны, это что-то из твоих песен, запиши. Заклей в тюрьму Нью-Йорк. Крест накрест. Чтоб не было.

ОЛЕГ. На луле нет города Нью-Йорка.